

Едва забрезжил рассвет. Лоу Цинъянь поднялся в экипаж и под конвоем императорской гвардии отправился к Озеру Осенней Луны, где должен был состояться обряд.

Опасаясь побега пленника, стража заперла двери кареты снаружи, а узкие смотровые оконца затянула прочной железной решеткой.

На лодыжках Лоу Цинъяня глухо звенели особые кандалы, подавляющие циркуляцию истинной ци.

Сам же Лоу Цинъянь ни о каком побеге и не помышлял. Уютно завернувшись в роскошную шубу из белого лисьего меха, он лениво растянулся на мягком сиденье. Ему не то что бежать — шевелиться было лень.

Небольшой отряд споро продвигался к алтарю у Озера Осенней Луны. При таком темпе пути они должны были добраться до места примерно за сутки.

[Рекомендую открыть вспомогательную панель и заранее изучить порядок проведения ритуала.]

«Успеется, куда спешить?»

Лоу Цинъянь не проронил ни слова. Свернувшись под меховым покрывалом пушистым белым комом, он продолжал бездельничать.

[.....]

Система мысленно вздохнула, решив, что за последнее время подопечный окончательно разленился.

Наконец Лоу Цинъянь соизволил проявить хоть какую-то активность. Он приподнял плотную занавеску и спросил сквозь железные ячейки решетки:

— Разве Его Величество не едет с нами?

— Государь выедет позже прямо из дворца и прибудет сразу к Озеру Осенней Луны... — отозвался шедший рядом конвойный.

Договорить он не успел. Из головы колонны раздался густой, рокочущий бас, резко оборвавший незадачливого гвардейца:

— Хватит чесать языком! С каких пор первому встречному дозволено выбалтывать сведения о перемещениях Его Величества?

Молодой стражник тут же испуганно прикусил язык. Лоу Цинъянь скосил глаза в окно. Верхом на рослом жеребце ехал плечистый, грузный мужчина в темном чешуйчатом доспехе.

Заглянув в интерфейс, Лоу Цинъянь мгновенно опознал в нем генерала Люй Цзиня.

Того самого вояку, что устраивал допрос в императорской тюрьме.

Мысленно хмыкнув, Лоу Цинъянь задернул шторку. Общаться с этим твердолобым служакой не хотелось совершенно.

Однако генерала так просто было не унять. Заметив пренебрежение, он так и закипел от злости:

— Ишь какой гордый! Забыл, что едешь под конвоем, колодник? Откуда столько спеси?

Лоу Цинъянь промолчал, даже не шелохнувшись.

Издевки Люй Цзиня сделались лишь язвительнее:

— Никогда бы не подумал, что наш великий господин Лоу силен не только в звездочетстве, но и в искусстве ублажать мужчин своим смазливym личиком.

Впрочем, для такого ушлого лиса, как Лоу Цинъянь, эти топорные нападки были сущим пустяком.

Он насмешливо отозвался из-за занавески, растягивая слова:

— Премного благодарен, генерал Люй. Пожалуй, сочту ваши речи за комплимент моей скромной внешности. Что же до Его Величества... Он — Сын Небес. А служить Сыну Небес — священный долг каждого подданного.

Люй Цзинь побагровел от ярости. Стиснув зубы, он потянулся к замку кареты, явно намереваясь ввалиться внутрь и проучить дерзкого узника кулаками.

Но не успел он коснуться засова, как до них донесся стремительный перестук копыт. Кто-то приближался на бешеной скорости.

— Люй Цзинь! Тебе мало прошлых взысканий?

Весь конвой разом замер как вкопанный.

Генерал мгновенно переменился в лице. Спешившись с проворством, никак не вязавшимся с

его грузным телосложением, он рухнул на колени прямо в дорожную пыль:

— Приветствую Ваше Величество!

Лоу Цинъянь удивленно приподнял бровь. Отодвинув штору, он выглянул наружу.

И его взгляд тут же встретился с пристальным, темным взором Лу Юя.

— Кхм, — Лоу Цинъянь неловко прочистил горло, чувствуя, как краска приливает к щекам. — Приветствую Ваше Величество.

Проигнорировав распростертого на земле генерала, император небрежным жестом приказал открыть замок и лично поднялся в карету.

Лоу Цинъяню сделалось совсем неловко.

Вообще-то Лу Юй должен был ехать к Озеру Осенней Луны отдельным, торжественным кортежем. Но судя по его запыленному дорожному плащу, он сорвался сразу после утреннего совета и мчался во весь опор, чтобы перехватить именно этот конвой. И гадать, ради кого молодой государь так спешил, не приходилось.

Попытавшись разрядить обстановку, Лоу Цинъянь заговорил о постороннем:

— Ваше Величество, генерал Люй все еще на коленях.

— За прошлую провинность я его уже наказывал, но упряму всё не впрок, — холодно отозвался Лу Юй и, даже не взглянув на улицу, бросил через плечо: — Пусть генерал Люй возвращается в столицу и примет надлежащую кару.

Люй Цзинь смертельно побледнел, но возразить не посмел. Не проронив ни звука, он поднялся с колен, развернул коня и ускакал прочь.

— Генерал Люй — выходец из преданного престолу рода, — мягко заметил Лоу Цинъянь. — Наказывать его из-за меня... Пожалуй, это излишне.

— Я наказываю его за нарушение воинской дисциплины и неисполнение прямого указа, — строго отрезал Лу Юй. — И твоей вины тут нет.

Лоу Цинъянь лишь вздохнул и опустил голову.

В карете воцарилась тишина. Они сидели плечом к плечу, стараясь не выказывать взаимного смущения.

Кортеж тронулся. Экипаж мерно покачивался на дорожных ухабах, однако оба путника сидели неподвижно, словно высеченные из нефрита изваяния.

Лу Юй принялся неторопливо разглядывать соседа.

Бывший канцлер кутался в подаренную им белую лисью шубу, походя на хрупкую птицу, зарывшуюся в пушистые перья. Лицо его уже не выглядело столь изможденным, как в тюрьме. Тонкие, изящные черты Лоу Цинъяня в обрамлении белоснежного меха казались удивительно мягкими и незащитными.

И всё же кожа его оставалась мертвенно-бледной, почти прозрачной — под ней у висков синели тонкие ниточки вен. Заострившийся, изящно очерченный подбородок буквально тонул в мягком, ласковом ворсе.

А в затаенном, глубоком взгляде сквозило нечто лукавое и непостижимое — точь-в-точь дикий лис, затаившийся перед броском.

— Ты ведь только что сказал, что ублажать императора — твой долг? — внезапно нарушил молчание Лу Юй. — Я всё прекрасно слышал.

По спине Лоу Цинъяня пробежал неприятный холодок.

«Тьфу ты! Язык мой — враг мой! И дернуло же меня сморозить такую глупость!»

Лу Юй с легкой, многозначительной усмешкой придвинулся ближе:

— Похоже, даже когда разум шисюна свободен от влияния демонического клинка Скрытой Стрелы, покорности в тебе ничуть не меньше.

— Позвольте, Ваше Величество, вы меня не так поняли... — забормотал Лоу Цинъянь, пытаясь отодвинуться.

Но император не желал слушать оправданий. Он подался вперед и, протянув руку, осторожно коснулся его щеки, лаская кожу подушечкой большого пальца.

У Лоу Цинъяня от неожиданности перехватило дыхание, глаза испуганно округлились:

— Что вы...

— Сегодня твоя щека уже не такая ледяная, — тихо прошептал Лу Юй.

Сердце Лоу Цинъяня пропустило удар и бешено заколотилось в груди.

«Система, что происходит? Он ведь не поддался тьме, разум у него чист! Откуда взялись эти вольности?»

****[Хочешь знать правду?]****

«Говори уже».

****[Всё предельно просто. Он ведет себя как обычный влюбленный парень, пытающийся завоевать твое сердце.]****

«... Чего?»

«И будь любезна, избавь меня от этой нелепицы!»

****[А по-моему, всё складывается как нельзя лучше. Твоя конечная цель — занять трон. Если ты сумеешь завладеть его сердцем и подчинить своей воле, это откроет перед нами колоссальные возможности.]****

«Подчинить его своей воле?.. Предлагаешь крутить им как вздумается?»

****[Разве ты сам не отбросил прежние предрассудки? Почему бы не расширить сферу влияния подобным образом?]****

Повинуясь смутному порыву, Лоу Цинъянь робко поднял взгляд на государя.

— Шисюн? — тихо позвал Лу Юй. — Что с тобой?

— Ничего... Всё в порядке, — пробормотал Лоу Цинъянь, ощущая, как уши предательски горят.

В карете вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком колес.

Минуло немало времени, прежде чем бывший канцлер, собравшись с духом, едва слышно выдавил из себя:

— Ваше Величество... Те слова о служении императору...

— Да? — Лу Юй внимательно посмотрел на него.

Отворачиваясь к окну и густо краснея до самых корней волос, Лоу Цинъянь прошептал:

— Я вовсе не собирался брать их назад.

Наконец экипажи остановились у живописных берегов Озера Осенней Луны. Лоу Цинъянь попытался спуститься на землю, но затекшие ноги подкосились. Он непременно рухнул бы на землю, если бы Лу Юй вовремя не подхватил его под локоть.

К прибывшим поспешили здешние жрецы, из года в год оберегавшие святилище. Склонившись в глубоком поклоне, они почтительно поприветствовали государя.

Лоу Цинъянь бросил взгляд на полупрозрачный экран интерфейса, где в подробностях расписывался весь ритуал. Благодаря мгновенной загрузке знаний, он в полной мере овладел мистическим искусством прежнего владельца тела.

Вокруг суетились десятки слуг и стражников, обряд следовало проводить в строгом соответствии с древним канонem. Это принесло Лоу Цинъяню огромное облегчение: по крайней мере, теперь он избавлен от необходимости оставаться с Лу Юем наедине.

[Надо же, какая прыть! А я ведь просто высказала предположение. Не ожидала от тебя подобного легкомыслия.]

«Замолчи!»

Лу Юй, заметив странную перемену, с недоумением воззрелся на него.

С чего бы его шисюну вдруг так смущаться посреди бела дня?

Положение обязывало государя держать себя в рамках приличий, поэтому он не решился на вольности при свидетелях. Он лишь смерил Лоу Цинъяня долгим, пытливым взглядом, безмолвно вопрошая: «Что это с тобой?»

От этого безмолвного вопроса Лоу Цинъянь вспыхнул ещё пуще, уставившись себе под ноги.

Изнурительные приготовления длились бесконечно, но наконец императора отвлекли государственные дела, и Лоу Цинъянь остался один.

Облегченно переведя дух, он в сопровождении старших жрецов отправился осматривать алтарь.

Пока они шли, Лоу Цинъянь внимательно изучал всплывающие системные подсказки, вникая в суть предстоящего таинства.

Провести ритуал поиска Амулета Небесного Орла под силу было лишь ему одному. Всё дело заключалось в его уникальной судьбе.

В книгах судеб его предназначение именовалось Судьбой Небесного Чертога — редчайший дар, рождающийся раз в три столетия. Именно поэтому в раннем детстве его забрали на воспитание в орден Сюаньюань, где старый глава и старейшины берегли одаренного сироту пуще глаза.

Тайные астрологические техники ордена, передававшиеся из поколения в поколение, открывались лишь тем, кого отметило само небо. Так случилось, что во всей Поднебесной только Лоу Цинъянь в совершенстве владел искусством вычисления координат Амулета Небесного Орла.

Даже нынешний глава ордена Сюаньюань не сумел бы провести столь сложный обряд.

Не решился Лоу Цинъянь в свое время оставить обитель ради того, чтобы помочь Лу Юю взойти на престол, он непременно унаследовал бы бразды правления орденом.

Но пути судьбы воистину неисповедимы.

Проверяя прочность конструкции и мысленно сверяясь с системной инструкцией, Лоу Цинъянь невольно предавался грустным размышлениям о прошлом.

Посередине ритуальной площадки возвышался огромный бронзовый диск высотой в два человеческих роста. На его поверхности была выгравирована карта империи Великая Ся, внешние края которой густо заливала ритуальная тушь. Вокруг этого диска вращалось тяжелое кованое кольцо с двенадцатью глубокими пазами.

Для проведения обряда Лоу Цинъяню предстояло провести в глубокой медитации сутки. По прошествии этого срока на глади ритуальной водяной чаши должны были проступить священные знаки. Сопоставив их, следовало выбрать из разложенных на столе гадательных табличек нужные — с циклическими знаками десятиричного и двенадцатеричного циклов — и вставить их в пазы обода. Кольцо приводилось в движение, и по мере его вращения чернила на карте расплзались, очерчивая чистый круг.

Именно эта чистая область и указывала на примерные координаты Амулета Небесного Орла.

Движение туши напрямую зависело от комбинации выбранных табличек и подчинялось строгим магическим законам.

Например, если оставить прежний небесный ствол, но заменить земную ветвь на противоположную, то и тушь поползет в строго обратную сторону.

А значит, сфальсифицировать результаты гадания не составляло труда. Достаточно было подменить одну из дощечек на парную, и Лу Юй отправил бы свои войска по ложному следу, уводящему прочь от настоящей цели.

Разобравшись в тонкостях процесса, Лоу Цинъянь почувствовал, как в груди азартно колотится сердце. План зрел сам собой.

Обычно за ходом ритуала бдительно следили другие жрецы, готовые в любой момент сверить знамение на воде с табличками в его руках, дабы исключить малейшую ошибку или обман.

Но что, если втереться к Лу Юю в доверие и убедить его убрать соглядатаев?

От этой мысли у него даже перехватило дыхание.

Поздним вечером Лоу Цинъянь подошел к дверям императорских покоев в загородной резиденции.

Он намеревался попросить стражу доложить о визите, однако гвардейцы лишь почтительно распахнули перед ним двери, пояснив, что государь велел впускать господина Лоу безо всяких докладов.

В приемной было тихо. Безмолвно кланяясь, служанки скользнули наружу, осторожно прикрыв за собой тяжелые створки.

Лицо Лоу Цинъяня обветрилось на холоде, щеки заиндевели, отчего алевшие кончики ушей казались особенно приметными.

Прежде их встреч всегда искал сам Лу Юй. Лоу Цинъянь впервые пришел к нему по собственной воле.

[Превосходно! Уже вовсю осваиваешь искусство обольщения и плетения интриг через постель. Растешь на глазах.]

«Заткнись!»

Лоу Цинъянь решительно заблокировал системные уведомления.

В передней зале никого не оказалось. Лоу Цинъянь бесшумно обогнул резную ширму и проскользнул в спальню.

Повсюду на столах громоздились кипы донесений и свитков. В бронзовой курильнице тлели

сандаловые щепки, наполняя воздух сладковатым, успокаивающим ароматом.

Лу Юй сидел за низким письменным столом. Откинув голову на спинку кресла, он дремал, слегка нахмутив брови.

Подобрав подол шубы, Лоу Цинъянь бесшумно подошел ближе и скосил глаза на разложенные бумаги.

Управлять огромной империей — тяжкий труд. Лу Юю приходилось не только вникать в государственные дела, но и вести бесконечную подковерную войну с сановниками старой закалки, попутно собирая вокруг престола преданных сторонников. Он безумно уставал, хоть и пытался скрыть это при встречах со своим шисюном.

Но сейчас, навалившись грудью на недописанный указ, государь спал глубоким, тяжелым сном, сморенный непосильной ношей.

Глядя на его утомленное лицо, Лоу Цинъянь ощутил укол совести.

«Впрочем, в прошлой жизни я и не такое творил ради выживания»

Он решительно подавил малодушную жалость.

Внезапно Лу Юй забеспокоился во сне. Вскрикнув, он резко выбросил руку вперед и намертво вцепился в подол лисьей шубы Лоу Цинъяня, потянув его на себя.

От неожиданности Лоу Цинъянь дернулся назад, собираясь вырваться, но вовремя вспомнил о своем плане и замер, позволяя увлечь себя в объятия.

— Шисюн... — хрипло, едва разборчиво пробормотал спящий. — Ты ведь... не покинешь меня?.. Обещай, что будешь рядом...

Пленник окаменел. Сердце предательски сжалось. Поколебавшись мгновение, он несмело приобнял юношу за плечи, баюкая и поглаживая по спине, словно испуганное дитя.

Разбуженный теплом, но всё еще не до конца пришедший в себя Лу Юй зарылся лицом в его шею, утыкаясь носом в пушистый мех шубы.

— Шисюн... В целом свете только тебе я по-настоящему дорог... Ведь так?..

Его полусонный лепет звучал тихо и надрывно, точь-в-точь как у брошенного ребенка, ищущего защиты у старшего брата.

Однако в этой мольбе сквозила такая невыносимая тоска и одиночество, что у Лоу Цинъяня перехватило горло.

Лоу Цинъянь застыл, чувствуя, как навалившаяся тяжесть сковывает по рукам и ногам, лишая последней возможности оттолкнуть спящего императора.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19817/2007557>